

УДК 903 (470.57)
DOI 10.17223/19988613/44/17

А.С. Проценко, Р.М. Сатаев

К ВОПРОСУ ОБ ОСНОВАХ ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ НОСИТЕЛЕЙ КАРА-АБЫЗСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Исследование выполнено в рамках базовой части Государственного задания на проведение научно-исследовательской работы Министерства образования и науки РФ (2014–2016 гг.).

Тема научно-исследовательской работы: «Кочевники Золотой Орды XIII–XV вв. и казачество Урала XVI–XIX вв.: проблемы этно- и социально-культурной преемственности» (проект № 2936), а также в рамках проекта РГНФ (№ 16-31-00010).

Статья посвящена теоретическим и практическим аспектам изучения жизнеобеспечения населения кара-абызской культуры (Башкирское Предуралье, IV в. до н.э. – IV н.э.). Актуальность работы обусловлена тем, что, несмотря на сравнительно длительную историю изучения памятников кара-абызской культуры, исследования, посвященные основам жизнеобеспечения древнего населения, остаются весьма ограниченными. Под основой жизнеобеспечения в работе понимается первичное производство (природопользование), характер и эффективность которого во многом определяет жизнеспособность социума и его развитие. Имеющиеся к настоящему времени сведения о природных условиях обсуждаемого временного этапа и хозяйственной деятельности кара-абызского населения обобщены в виде характеристик трех взаимосвязанных блоков жизнеобеспечивающей системы: природного, материального и комплексного. Констатируется, что накопление информации об особенностях первичного производства древних племен должно обеспечиваться не только за счет увеличения объемов раскопок, но и более глубокого анализа первичных данных («интенсивный» подход). Результативность «интенсивного» подхода иллюстрируется на примере обсуждения материалов из раскопок Кара-Абызского городища, произведенных в 2015 г.

Ключевые слова: кара-абызская культура; система жизнеобеспечения.

Одной из фундаментальных задач, стоящих при изучении обществ исторического прошлого, является выяснение особенностей жизнеобеспечения древнего населения, под которым понимается «процесс удовлетворения жизненно важных материальных и духовных потребностей индивида или группы путём адаптации к природной и социально-культурной среде обитания для обеспечения воспроизводства людей и их сообществ» [1. С. 93].

Для ретроспективного изучения жизнеобеспечения человеческих коллективов особый интерес представляют культуры, имеющие узкую географическую локализацию, тем самым более тесно привязанные к конкретным природным условиям. В Башкирском Предуралье одной из таких «локальных культур» является кара-абызская культура, памятники которой, несмотря на ее длительное существование (IV в. до н.э. – IV в. н.э.), расположены на компактной территории.

Памятники кара-абызской культуры попали в поле зрения исследователей около 250 лет назад, когда были сделаны первые научные описания и планы Кара-Абызского (давшего название этой археологической культуре), Уфимского и Бирского городищ [2. С. 42, рис. 2]. Первые раскопки на Кара-Абызском городище были произведены в 1894 г. Ф.Д. Нефедовым [3. С. 223]. Дальнейшее изучение Кара-Абызского городища было продолжено в 20-е гг. XX в. Так, в 1924 г. археологический памятник шурфовал М.И. Касьянов, находки краевед передал в Уфимский краеведческий музей (ныне – Национальный музей Республики Башкирии): бронзовую секиру с головой хищной птицы над втулкой топорика и бронзовый кельт. Именно эти находки заинтересовали А.В. Шмидта, который в

1928 г. возглавлял один из полевых отрядов в составе Башкирской экспедиции Академии наук СССР (руководитель БАЭ – С.И. Руденко). Во второй половине XX в. исследования городища проводили Н.А. Мажитов, А.Х. Пшеничнюк, В.А. Иванов и др.

Накопление источниковой базы по поселенческим памятникам кара-абызской культуры активно производилось в период 1950–1980-х гг. Так, в 1953–1956 гг. сотрудниками Института истории языка и литературы Башкирского филиала АН СССР Г.В. Юсуповым и Т.Н. Троицкой были исследованы поселенческие памятники кара-абызской культуры: селище Курман-Тау, городище Касьяновское, Воскресенское, Курмантаевское, Табынское, Михайловское. Несмотря на большую работу, проведенную авторами, значительная часть материала до сих пор не опубликована. В 1960–1970-е гг. А.Х. Пшеничнюк проводит рекогносцировочные раскопки на поселениях Воронки и Дудкино I (на территории г. Уфы), на городище Аташ (Охлебининское II) в устье р. Сим и Шиповском городище (Иглинский район РБ). На современном этапе можно отметить лишь стационарные исследования В.В. Овсянникова на Шиповском и Биктимировском городищах.

Наиболее важным и информативным объектом для изучения разных аспектов обсуждаемой культуры до настоящего времени остается Кара-Абызское городище. Кроме всего прочего, научное значение поселения определяется тем, что культурный слой здесь не только самый мощный среди памятников раннего железного века, но и весьма сложный и насыщенный. Поселение расположено в 30 км от г. Уфы ниже по течению р. Белой (Благовещенский район Республики Башкортостан), на мысу правого берега реки (высотой 40 м).

С двух сторон городище ограничено оврагами, с напольной стороны защищено двумя линиями валов и рвов. Площадь памятника превышает 4 000 кв. м. Внешний вал почти полностью разрушен, внутренний поврежден. Длина внутреннего вала 135 м, ширина – 14 м, высота от внешнего подножия около 5 м. Длина второго вала 130 м, ширина – 6 м, высота от внутреннего подножия составляет 3 м.

В 2015 г. археологическим отрядом экспедиции Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы были произведены рекогносцировочные работы на юго-восточной части памятника, за пределами укрепленной линии городища. Объект исследования располагается на мысу, отделенном от основной части памятника дорогой, ведущей от р. Белой к автодорожке Уфа – Благовещенск. Здесь были заложены 7 шурфов, которые дали основной материал и позволили установить границу распространения культурного слоя. Нужно заметить, что исследования на этом участке памятника проводились до этого только А.В. Шмидтом в 1928 г. Материалы, полученные в результате произведенных нами рекогносцировочных работ, в первую очередь несут информацию о хозяйственной деятельности древнего населения, тем самым представляя определенный интерес с точки зрения изучения жизнеобеспечения носителей кара-абызской культуры.

При изучении вопросов жизнеобеспечения населения традиционных обществ (к которым можно отнести и общества исторического прошлого) нужно учитывать, что процесс жизнеобеспечения (в его широком понимании) включает *«первичное производство»* – *природопользование* и *«вторичное производство»*. Первое представляет собой получение необходимых для жизни продуктов путем их непосредственного изъятия из природной среды (добыча полезных ископаемых, заготовка объектов растительного и животного происхождения) или в результате хозяйственной эксплуатации природных комплексов (земледелие и животноводство). Вторичное производство заключается в последующем преобразовании (обработке или переработке) продуктов природопользования. При этом оно охватывает разные сферы жизни, и к нему можно отнести практически любой процесс получения промежуточного или конечного продукта путем трансформации какого-либо сырья (приготовление пищи, гончарное производство, металлообработку, деревообработку и т.д.), и тем самым находится в непосредственной зависимости от природопользования. Таким образом, базовой основой жизнеобеспечения традиционных (в том числе и древних) обществ является первичное производство, характер и эффективность которого во многом обуславливает жизнеспособность социума и его развитие.

Осуществление процесса жизнеобеспечения происходит путем формирования соответствующей общественной территориальной системы. Последняя пред-

ставляет собой совокупность природных и социальных факторов (условий, ресурсов, явлений) через удовлетворение материальных и нематериальных потребностей людей, определяющих особенности существования человеческих коллективов на освоенной ими территории [4, 5]. Структура системы жизнеобеспечения в общем виде может быть представлена в виде трех взаимосвязанных блоков: природного (ландшафт, климат, природные ресурсы); материального (хозяйственный коллектив, освоенная территория, домашние животные, культивируемые растения); комплексного (культура хозяйственного коллектива, включающая материальные и нематериальные явления) [4–6].

Наиболее важными источниками для выяснения особенностей природопользования древнего населения следует признать разнообразные свидетельства эксплуатации природных ресурсов и комплексов в целом (растительные и животные остатки; признаки обработки почвы; следы добычи полезных ископаемых) [4]. Кроме того, определенную информацию о первичном производстве несут предметы (орудия труда, приспособления, конструкции), предназначенные для изъятия природных объектов из их естественной среды (охотничье оружие, орудия рыболовства, лесопользования и т.д.) или используемые в процессе получения сельскохозяйственной продукции (мотыги, лемехи, серпы, оросительная система и пр.). Хотя нужно учитывать, что функционально назначение ряда орудий может трактоваться по-разному. К тому же нередко о распространении тех или иных форм первичного производства пытаются говорить и на основании находок орудий вторичного производства, например присутствие в материалах «зернотерок» и пестов связывают с наличием у древних племен земледелия. Однако к последнему источнику нужно относиться с наибольшей осторожностью. В целом стоит признать, что при любом обилии и разнообразии артефактов и экофактов (природных объектов) реконструируемая система жизнеобеспечения древнего населения всегда будет являться аппроксимацией – моделью, лишь в том или ином приближении отражающей былую реальность. Таким образом, материал, полученный при раскопках конкретного археологического памятника, независимо от его объема в плане изучения жизнеобеспечивающей практики не является самодостаточным. В свою очередь, отдельные нюансы жизнеобеспечивающей деятельности могут проявить себя даже на кажущемся рядовым материале.

Несмотря на сравнительно длительную историю изучения памятников кара-абызской культуры, сведения об основах жизнеобеспечения древнего населения остаются весьма ограниченными. Во многом это связано с объективными причинами – сокращением масштабов раскопок памятников и соответственно снижением интенсивности накопления нового материала по обозначенной теме. Поэтому любую информацию, дополняющую сложившиеся к настоящему вре-

мени представления о жизнеобеспечении кара-абызцев, нужно признать весьма актуальной. Таким образом, целью настоящей статьи являлось включение новых данных в систему знаний о жизнеобеспечении кара-абызских племен, а основной задачей – упорядочение этих знаний в виде ретроспективной модели системы жизнеобеспечения.

Наиболее полно и последовательно вопросы, связанные с жизнеобеспечением кара-абызских племен, освещены в работе А.Х. Пшеничникова [7], которая до настоящего времени не потеряла свою актуальность. Можно сказать, что именно А.Х. Пшеничником были впервые выделены и охарактеризованы структурообразующие элементы жизнеобеспечивающей системы кара-абызского населения. Его основным выводом на этот счет является тезис, что кара-абызские племена вели комплексное хозяйство, где главными отраслями были скотоводство и земледелие [Там же. С. 210]. Далее рассмотрим более подробно блоки, составляющие систему жизнеобеспечения кара-абызского населения.

Природный блок. В ландшафтно-географическом отношении район распространения кара-абызских племен приурочен к северной подзоне лесостепной зоны Южного Предуралья, локализуясь в пределах Камско-Бельской низменности. Существование кара-абызской культуры (IV в. до н.э. – IV в. н.э.) приходится на первую треть субатлантической климатической фазы (2500–550 лет назад). Согласно палеоклиматическим данным, полученным для Предуралья В.К. Немковой и В.А. Климановым [8. С. 69], этот период начинается с заметного похолодания, когда температуры стали ниже современных на 1,5°C (июля – на 2°C, января – на 1–1,5°C), а количество осадков увеличилось на 25 мм. Похолодание сменилось раннесубатлантическим потеплением, в максимум которого среднегодовые температуры были выше современных на 0,5–1°C, количество осадков приблизилось к современному уровню. Спад потепления приходится примерно на начало нашей эры (абсолютная датировка 1920±170 лет назад), за которым в промежутке между 1920–1000 лет назад произошли два похолодания, разделенные небольшими потеплениями [Там же]. Во время этих похолоданий температурные показатели были ниже современных примерно на 1,5°C, а количество осадков – большим на 25 мм. Во время потеплений температуры июля были ниже, чем современные, а января и года – близкие к современным, но уровень увлажненности несколько выше. В.К. Немкова и В.А. Климанов считают, что субатлантическая фаза «была наиболее влажной по сравнению со всеми остальными» [Там же. С. 70]. В целом, по мнению В.Н. Кудеярова с соавторами, эпоха раннего железного века в климатическом отношении «характеризовалась чередованием влажных и засушливых периодов длительностью не более 200–300 лет» [9. С. 1031]. Так, в пустынных степях Заволжья относительно влажные условия имели место в I в. до н.э., I–IV вв. н.э., наиболее засушливые – в IV–III вв. до н.э.,

второй половине II – первой половине III в. н.э., близкие по увлажнению к современным – в первой половине II в. н.э. и во второй половине III в. н.э. [10. С. 140]. Таким образом, можно констатировать, что рассматриваемый отрезок времени отличался заметными климатическими колебаниями. В целом такие условия сложно признать благоприятными для развития здесь земледелия, но вполне пригодными для животноводства.

Основным типом растительности, распространенным на данной территории в обсуждаемое время, являлись сосново-еловые леса. Климатические изменения, в первую очередь, отражались на их составе, увеличении роли широколиственных древесных пород в теплые периоды и возрастании количества берез во время похолоданий [8. С. 70].

Спектр природных ресурсов, доступных для использования кара-абызским населением на занимаемой ими территории, по-видимому, значительно не отличался от современного, а в отношении биоресурсов, скорее всего, был более широким. Это позволяет предполагать заметный вклад в жизнеобеспечение присваивающих форм природопользования. Несмотря на то что непосредственные данные о прямой эксплуатации естественных растительных ресурсов (сбор дикорастущих плодов и ягод, заготовка кормов, древесины) отсутствуют, несомненно, она имела место. Относительно использования животных ресурсов А.Х. Пшеничник [7. С. 213–214] отмечает, что немаловажную роль в хозяйстве кара-абызских племен занимали охота и рыболовство. При этом основным назначением охоты являлась добыча ценной пушнины, а главным объектом – бобр. Действительно, выявленные на городищах дикие виды (заяц, бобр, сурок, волк, лисица, куница, выдра, барсук, рысь, медведь, косуля, лось) в большинстве своем являются объектами пушного промысла [11. Приложение 7; 12]. При этом, по-видимому, значение дикого зверя как источника мяса было невелико. В свою очередь, рыба, вероятнее всего, являлась постоянным составляющим рациона древнего населения. Хотя, как отмечает А.Х. Пшеничник [7. С. 214], костей рыб на поселениях мало, для рыболовства были весьма благоприятные условия. Добавим, что малочисленность находок костей рыб часто обусловлена тафономическими причинами (механическим и химическим разрушением хрупких костей в грунте, растаскиванием и уничтожением животными и т.п.) и методиками сбора остеологического материала (ручной сбор, использование крупноячеистых сит). То же относится к птичьим костям, которые в небольшом числе присутствуют в остеологическом материале из раскопок памятников.

Материальный блок. Представление о структуре хозяйственного коллектива в первую очередь дают палеодемографические данные. Однако, несмотря на то что носители кара-абызской культуры оставили один из самых крупных могильников в Восточной Европе –

Охлебининский, вблизи которого выявлено еще несколько больших некрополей (Шиповский, Биктимировский и др.), палеодемографические построения для обсуждаемой группы населения отсутствуют, а палеоантропологические данные ограничиваются в основном краниометрическими характеристиками [13–15].

Освоенная территория представляет собой часть географического пространства, в пределах которой осуществляется человеческая деятельность. И.И. Крупник определяет ее как «совокупность используемых коллективом земельных угодий с их значимыми для данной формы жизнеобеспечения природными ресурсами» [16. С. 24]. Поскольку в пределах ландшафтной зоны памятники кара-абызской культуры распространены преимущественно по правобережью среднего течения р. Белая на восточной окраине лесостепи (есть данные о проникновении кара-абызцов в горно-лесную зону) [7. С. 210], можно заключить, что территория, занимаемая кара-абызскими племенами, в большей степени обладала потенциалом для развития здесь присваивающих форм природопользования и отгонно-пастбищного животноводства, в меньшей степени – земледелия.

Хотя А.Х. Пшеничнюк считает, что земледелие входило в круг занятий древнего населения, до сих пор «ни на одном из кара-абызских памятников не найдено каких-либо культурных злаков» [Там же. С. 213].

Попытки обосновать наличие земледелия у кара-абызцев посредством косвенных свидетельств – присутствия в материалах так называемых «зернотерок», по указанным уже выше причинам мы считаем некорректными. На памятниках не обнаружены никакие земледельческие орудия первичного производства. Относительно находки единственного серпа на Уфимском городище А.Х. Пшеничнюк отмечает: «Так как поселение многослойное и верхние культурные напластования относятся к послекараабызскому времени, то нет уверенности в том, что этот серп кара-абызский» [Там же. С. 213].

Кости домашних животных представлены на всех известных памятниках кара-абызской культуры. Здесь выявлены остатки 5 видов домашних животных: крупного рогатого скота (далее – КРС), мелкого рогатого скота (далее – МРС), лошади, свиньи и собаки [7, 11, 12, 17]. А.Х. Пшеничнюк, ссылаясь на приведенные им данные, резюмирует, «что основными отраслями скотоводства являлись овцеводство и коневодство» [7. С. 212].

Эти выводы были сделаны на основании формальной оценки численных соотношений между остатками сельскохозяйственных животных. Однако «надо иметь в виду, что соотношение костей конкретных видов (или видовой спектр) не является прямым указанием на объемы потребляемого мяса этих животных вследствие естественных различий по весу между видами» [18. С. 20].

Если принимать во внимание кратность веса туш животных, то о реальном преобладании в рационе мяса МРС над мясом КРС можно говорить лишь тогда, ко-

гда количество костей первого больше, чем второго, не менее, чем в 5–6 раз (чего в обсуждаемых остеологических коллекциях не наблюдается). Поэтому позднее А.Г. Петренко в отношении кара-абызцев пишет, что «основным продуктом питания местного населения были говядина и конина» [17. С. 82]. В целом нужно признать, что основным объектом сельскохозяйственного животноводства кара-абызцев являлась лошадь. Размеры лошадей были не крупные, А.Г. Петренко отмечает две формы: мелкую – 124–130 см в холке, и более высокую – 132–141 см [11. С. 84].

К сожалению, из-за сравнительной малочисленности остеологических выборок (соответственно выборки по каждому из видов) сведения о возрасте забиваемых на мясо животных весьма ограничены. Известно, что значительную часть лошадей (37–47%) забивали в возрасте до 2 лет [Там же. С. 86]. Е.Е. Антипина и Е.Ю. Лебедева указывают, что в случае, когда не более 40% особей домашних животных забивается до момента завершения формирования их скелета, можно реконструировать мясную и/или мясомолочную эксплуатацию вида с устойчивым воспроизведением его в стаде [19. С. 72]. При элиминации свыше 60% особей этой возрастной группы следует говорить об интенсивной мясной эксплуатации вида с неустойчивым его воспроизведением.

Таким образом, в отношении кара-абызцев можно говорить, что, хотя разведение лошадей (возможно и других видов) преследовало у них разные цели (получение и посмертной, и прижизненной продукции), их роль как источника мяса была весьма высокой. Однако приходится констатировать, что вопросы, касающиеся общей стратегии животноводства кара-абызских племен, остаются слабо изученными.

Комплексный блок. Культура природопользования хозяйственного коллектива на археологических материалах проявляется в виде комплекса орудий, приспособлений, конструкций (а на уровне артефактов – также их составляющих элементов – «деталей»), обеспечивающих процесс первичного производства (присваивающего или производящего). Из предметов, обнаруженных на памятниках кара-абызской культуры, к обсуждаемой категории уверенно можно отнести лишь орудия охоты (наконечники стрел) и рыболовства (крючки, грузила). А.Х. Пшеничнюк приводит описание железной обоюдоострой пластины, которая, возможно, выполняла роль «косы», предназначенной для заготовки кормов домашнему скоту (в том числе грубых веточных кормов) [7. С. 212–213]. Однако действительное назначение этого изделия спорно.

В целом нужно резюмировать, что, несмотря на определенные операционные возможности представленной выше модели системы жизнеобеспечения кара-абызских племен (созданной благодаря усилиям нескольких поколений археологов), она пока остается лишь основой – «матрицей», предназначенной для организации информационного пространства. Следует

заметить, что заполнение ее «ячеек», кроме «экстенсивного» подхода (увеличение объемов раскопок), должно обеспечиваться и «интенсивным» подходом – более глубоким анализом первичным данных.

В материале, происходящем из новых исследований городища Кара-Абыз, основным источником информации о природопользовании выступают остатки животных, представленные костями млекопитающих (485 экз.), птиц (2 экз.), рыб (9 экз.), а также раковинами моллюсков (32 экз.) (табл. 1–4). В целом объем выборок можно оценить как малочисленный, но заслуживающий подробного обсуждения.

Кости животных сильно раздроблены и имеют вид типичных кухонных отходов. Из общего объема костей млекопитающих (в совокупности из всех шурфов происходит 491 кость) идентифицировано лишь 59,3% (291 кость). При этом определимые остатки в основном, также принадлежат к категории средних и мелких фрагментов. Целые кости или крупные их части крайне малочисленны (сохранялись преимущественно мелкие или компактные элементы скелета). Более 85% всех костей несут явные следы раскалывания (в некоторых случаях рубки). Лишь менее 15% обломков, вероятно, образовались в результате естественного разрушения костей на дневной поверхности или в грунте, которое было уже вторичным.

Таким образом, можно констатировать, что сильная раздробленность костей была обусловлена в основном глубокой утилизацией мясных кусков. Кости раскалывались как при первичной разделке туш (в основном поперечная рубка), так и при готовке и поедании мяса (разнонаправленное дробление). Отдельные фрагменты (5,9%) несут на себе следы температурного воздействия в виде обугливания – озоления костного вещества. Наличие в кухонных отходах лишь небольшого количества обожженных костей может быть связано либо с низкотемпературной обработкой мяса (например, преимущественно варкой), либо с высокотемпературной обработкой отходов (сжигание костей до полного озоления, когда происходит тотальное разрушение костного вещества).

Кости млекопитающих принадлежат 7 видам, из них – 4 домашним: крупному рогатому скоту, овце (поскольку кости коз не выявлены, можно предположить, что все остатки мелкого рогатого скота принадлежат овце), лошади, свинье; 3 диким: зайцу, бобру и бурому медведю (табл. 1–4). Принимая во внимание, что остатки домашних видов составляют 96,2%, можно признать эту группу животных основным источником мясной продукции. Кроме того, кости диких зверей обнаружены только в 7-м шурфе. Однако это не значит, что охота не играла в жизни населения городища заметной роли, но она была направлена преимущественно на получение пушнины, поэтому дикие виды в кухонных отходах представлены слабо.

По количеству костных остатков из раскопок лидирует мелкий рогатый скот (табл. 5). Однако пересчет

количества костных остатков на объем мясной продукции позволяет сделать вывод, что первое место в питании населения по объему занимала говядина, второе – конина, и лишь третье – мелкий рогатый скот, хотя различия между этими видами получаются не такими значительными (табл. 5). Отметим, что малый объем выборки (за репрезентативную нами принимается выборка, включающая не менее 400 определимых костей) не позволяет делать корректные заключения и о реальном вкладе разных видов в мясной рацион жителей городища. Поэтому приводимые соотношения между остатками домашних форм, использованных на мясо, следует принимать как ориентировочные. К тому же характер мясного использования не отражает в целом роль и место животных в хозяйстве (и реальную численность в стаде). Нужно учитывать, что мотивом разведения животных также является получение прижизненной продукции. В целом на основании имеющихся данных (учитывая объем выборки) пока вряд ли стоит оспаривать ведущую роль лошади в хозяйстве кара-абызцев.

Поскольку в материале достаточно равномерно представлены кости разных отделов скелета, можно говорить, что забой и разделка животных происходили на городище. Возможно, что животных содержали на самом поселении, выпасая на небольшом от него удалении. Учитывая, что раздробленность разных костей заметно не отличается (за исключением мелких элементов запястья и заплюсны, которые сильно не повреждаются при разделке), жители поселения использовали в пищу практически все части туш животных, даже гастрономически малоценные (дистальные отделы конечностей). Последнее может трактоваться как признак дефицита пищи.

Данные о возрасте забиваемых животных крайне малочисленны. Ориентировочно можно говорить о равном забое крупного рогатого скота и овец всех возрастных групп, лошадей – преимущественно в возрасте до 1 года, свиней – в возрасте до 2 лет.

Оценка экстерьерных особенностей животных осложнялась единичностью пригодных для промеров костей. Высота в холке овец, рассчитанная по таранным костям ($n=6$), составила 71,4 см. Высота в холке лошади (по длине 2-й фаланги) – 120–128 см (по классификации В.О. Витта – «мелкая лошадь»). Судить об экстерьере КРС и свиньи из-за отсутствия каких-либо информативных промеров сложно, можно лишь отметить их некрупные размеры.

Среди остатков позвоночных присутствуют единичные кости птиц и рыб плохой сохранности. Хотя суставные части костей птиц не сохранились (обгрызаны) и их точная видовая идентификация невозможна, судя по размерам и особенностям диафиза, они, вероятнее всего, принадлежат уткам – размерной категории «кряква». Определимые кости рыб происходят от некрупных щук. Возможные причины малочисленности костей рыб и птиц оговаривались выше. В любом слу-

чае эти находки свидетельствуют о рыболовстве и охоте на птицу.

Обращает на себя внимание наличие в изученном материале сравнительно большого числа целых и фрагментированных створок раковин двустворчатых пресноводных моллюсков – перловиц (*Unio pictorum*). Судя по их сохранности, раковины принадлежат погибшим и выброшенным на берег животным, т.е. для населения интерес представляли сами раковины, кото-

рые в разломанном виде добавлялись в глину при производстве керамических изделий. Среди артефактов к «орудиям», связанным с первичным производством, можно отнести лишь обнаруженное в 7-м шурфе костяное «грузило». Если этот предмет действительно являлся деталью рыболовной снасти, можно предположить, что рыболовство у древнего населения могло играть куда более значимую роль, чем это отражено на зооархеологических материалах.

Таблица 1

Распределение остатков животных по горизонтам шурфа № 1

Вид	Количество костных остатков		
	гор. 1	гор. 2	гор. 3
Домашние млекопитающие			
КРС*	11	2	2
МРС**	6		7
Овца	9		
Свинья	10		
Лошадь	10		1
Определимые, всего	46	2	10
Неопределимые	22		5
Всего:	68	2	15
Моллюски			
Перловица	9		

* Крупный рогатый скот.

** Мелкий рогатый скот (неопределимые до вида остатки *Ovis* и *Capra*).

Таблица 2

Распределение костных остатков по горизонтам шурфа № 2

Вид	Количество костных остатков			
	гор. 1	гор. 2	гор. 7	Подъемный материал
Домашние млекопитающие				
КРС	7	–	–	2
МРС	14	1	–	2
Свинья	7	–	–	–
Лошадь	10	–	–	–
Определимые, всего	38	1	–	4
Неопределимые	11	1	1	1
Всего:	49	2	1	5
Рыба				
Щука	–	–	–	1

Таблица 3

Распределение костных остатков по горизонтам шурфа № 3

Вид	Количество костных остатков			
	гор. 1	гор. 2	гор. 3–4	Подъемный материал
Домашние млекопитающие				
КРС	6	12	–	1
МРС	9	19	17	1
Овца		1		
Свинья	–	5	1	5
Лошадь	6	–	1	–
Определимые, всего	21	37	19	7
Неопределимые	9	20	19	11
Всего:	30	57	38	18
Птица				
<i>Aves. sp.</i>			1	1
Рыба				
<i>Pisces sp.</i>	1		2	

Т а б л и ц а 4

Распределение костных остатков по горизонтам шурфа № 7

Вид	Количество костных остатков	
	гор. 1–4	гор. 5
Домашние млекопитающие		
КРС	3	–
МРС	59	6
Овца	2	
Свинья	16	–
Лошадь	9	–
Всего:	89	6
Дикие млекопитающие		
Заяц	–	1
Бобр	7	–
Медведь	3	–
Всего:	10	1
Определимые, всего	99	7
Неопределимые	89	11
Всего:	188	18
Рыба		
Щука	2	–
<i>Pisces sp.</i>	2	1
Моллюски		
Перловица (створки и фрагменты створок)	18	5
Наземные гастроподы (фрагмент раковин)	1	

Т а б л и ц а 5

Показатели мясной эксплуатации животных

Крупный рогатый скот	Мелкий рогатый скот	Лошадь	Свинья
Остеологический спектр (количество костных остатков)			
46	153	44	36
Соотношение костных остатков, %			
16,5	54,8	12,9	15,8
Кратность веса туш с/хозяйственных животных по отношению к одной туше овцы/козы по Е.Е. Антипиной [Антипина, 2008]			
6	1	5,5	1,5
Объем мясных продуктов, усл. ед. (произведение числа костей на кратность веса животного)			
276	153	242	54
Спектр мясного рациона (соотношение мясных продуктов, %)			
38,1	21,1	33,4	7,4

В целом полученные данные вполне соответствуют представлениям о жизнеобеспечении кара-абызцев. В свою очередь, анализ зооархеологического материала из новых раскопок позволяет дополнить имеющиеся сведения, а также выдвинуть ряд предположений, требующих дальнейшего уточнения.

Так, на основании полученных данных к охоте (на зверя и птицу), рыболовству и животноводству следует добавить такую форму собирательства, как сбор раковин двустворчатых моллюсков, использовавшихся в качестве технического сырья – отошителя при производстве керамики. Не исключено, что «зерно-терки» (или часть из них), находящиеся на памятниках этой культуры, использовались для дробления и перетирания собранных раковин.

Кроме того, характер остатков мясных видов показывает, что забой и разделка туш животных происходили в пределах городища. Поэтому, возможно, домашний скот (или часть стада) постоянно содержался на поселении или вблизи его, т.е. не отгонялся на большие расстояния (стойлово-пастбищное содержание). Это скорее указывает на большую оседлость населения, чем принято было думать. При использовании мясной продукции имели место отсутствие выраженной гастрономической избирательности и глубокая утилизация мясных кусков, что может свидетельствовать об определенном пищевом дефиците. В пользу этого может говорить сравнительно небольшой объем остеологических выборок, происходящих с известных памятников (соответственно невысокая концентрация остатков животных в культурном слое).

ЛИТЕРАТУРА

1. Козлов В.И. Этническая экология: Становление дисциплины и история проблем. М., 1994. 230 с.
2. Чижевский А.А. Начальный период изучения археологии эпохи бронзы и раннего железного века в Волго-Камье. Полевые исследования // Поволжская археология. 2013. № 2 (4). С. 40–63.
3. История башкирского народа : в 7 т. / гл. ред. М.М. Кулшарипов / Ин-т истории, языка и литературы УНЦ РАН. М., 2009. Т. 1. 400 с.
4. Сатаев Р.М., Сатаева Л.В. Особенности системы жизнеобеспечения древнего населения Гонурского оазиса (Туркменистан) // Экология древних и традиционных обществ : сб. докл. Тюмень, 2011. Вып. 4. С. 204–207.
5. Сатаев Р.М., Сатаева Л.В. Некоторые особенности изучения жизнеобеспечения древних обществ // Этнос и среда обитания : сб. ст. по этно-экологии. М., 2014. Вып. 4. С. 60–66.
6. Ямсков А.Н. Экологические функции основных компонентов традиционной культуры // Этноэкологические исследования : сб. ст. к 80-летию со дня рождения В.И. Козлова. М., 2004. С. 36–60.
7. Пшеничнюк А.Х. Караабызская культура // Археология и этнография Башкирии. Уфа, 1973. Т. 5. С. 162–243.
8. Немкова В.К., Климанов В.А. Характеристики климата Башкирского Предуралья в голоцене // Некоторые вопросы биостратиграфии, палеомагнетизма и тектоники кайнозоя Предуралья / БНЦ УрО АН СССР. Уфа, 1988. С. 65–71.
9. Кудеяров В.Н., Демкин В.А., Гиличинский Д.А., Горячкин С.В., Рожков В.А. Глобальные изменения климата и почвенный покров // Почвоведение. 2009. № 9. С. 1027–1042.
10. Демкин В.А., Демкина Т.С., Хомутова Т.Э., Ельцов М.В., Усольцев С.Н., Каширская Н.Н. Подкурганные палеопочвы нижневолжских степей как индикаторы динамики климата за истекшее время // Поволжская археология. 2013. № 2 (4). С. 126–142.
11. Петренко А.Г. Древнее и средневековое животноводство Среднего Поволжья и Предуралья. М., 1984. 174 с.
12. Савельев Н.С. Новые исследования Шиповского городища в лесостепи Южного Приуралья // Уфимский археологический вестник. 2009. Вып. 9. С. 127–140.
13. Акимов М.С. Антропология древнего населения Приуралья. М., 1968. 120 с.
14. Ефимова С.Г. К краниометрии раннего железного века Волго-Камья // Вопросы антропологии. 1991. Вып. 67. С. 64–73.
15. Нечвалода А.И. Новые краниологические материалы кара-абызской культуры из могильника Кара-абыз II // Этнос. Общество. Цивилизация: третьи Кузеевские чтения (Уфа, 28 сентября 2012 г.). Уфа, 2012. С. 249–251.
16. Крупник И.И. Арктическая этноэкология. М., 1989. 272 с.
17. Петренко А.Г. Становление и развитие основ животноводческой деятельности в истории народов Среднего Поволжья и Предуралья (по археозоологическим материалам) // Археология евразийских степей. Казань, 2007. Вып. 3. 114 с.
18. Антипина Е.Е. Археозоологические исследования: задачи, потенциальные возможности и реальные результаты // Новейшие археозоологические исследования в России. К 100-летию со дня рождения В.И. Цалкина : сб. ст. М., 2004. С. 7–33.
19. Антипина Е.Е., Лебедева Е.Ю. Опыт комплексных археобиологических исследований земледелия и скотоводства: модели взаимодействия // Российская археология. 2005. № 4. С. 70–78.

Procenko Anton S. M. Akmullah Bashkir State Pedagogical University (Ufa, Russia). E-mail: anton.procenko@mail.ru; *Sataev Robert M.* Institute of Ethnology and Anthropology of RAS (Moscow, Russia), Akmullah Bashkir State Pedagogical University (Ufa, Russia). E-mail: rob-sataev@mail.ru

ON THE QUESTION OF MEDIA VITAL BASICS KARA-ABYZSKOY ARCHAEOLOGICAL CULTURE.

Keywords: Kara-Abyzs culture; life-support system.

The article is dedicated to discussion of theoretical and practical aspects of Kara-abyz culture population life sustenance research. Cultural artefacts are locally situated at the western piedmont of the Ural Mountains and dated from IV century B.C. to IV century A.D. Kara-abyz cultural artifacts have been excavated from the middle of XIX century. However, special aspects of ancient population life sustenance are underexplored. In the research authors hold to the opinion that human communities life sustenance consists of production and consumption, production may be primary and secondary. Primary production is a process of getting products through the utilization of natural environment and the developed area resources. Secondary production is primary product processing. Life sustenance basis is primary production – natural recourse use, which to a great extent depends on natural environment. Vital capacity of society and its functioning specifics depend largely on primary production mode. As of archeological remains plant and animal remains findings and tools used in primary production testify to natural recourse use specific aspects. Study of excavated Kara-abyz fortress materials produced in 2015 and other exploreis' data generalization let characterize Kara-abyz population primary production as a complex one. The leading production branches were hunting and live stock breeding. Kara-abyz culture existence accounts for the period of significant climatic fluctuations when at the western piedmont of the Ural Mountains a cold spell was replaced by a warm one. Basic vegetation was pine and spruce forests. There were wide meadowlands at floodplains. These conditions made possible adoption farm patterns development (collecting, hunting and fishing) and live stock breeding. However they impede farming agriculture development. Inhabitants of settlements procured more than 10 kinds of wild animals. Alongside with it wild animals were hunted mainly for the sake of fur. Primarily beaver was haunted. Apart from animals birds and fish were procured. Also, population collected river mollusc shells which were crushed and added to clay for crockery production. Possibly, not less actively ancient population collected wild fruits, berries, mushrooms. Settlers held four kinds of live stock (cattle, sheep, swine, and horse) and also dogs. Animals were not moved at long distances, but held at settlements or fed not far away from them. The main object of breeding was horse. A considerable part of them (37 - 47%) were slaughtered for meat under 2 years of age.

REFERENCES

1. Kozlov, V.I. (1994) *Etnicheskaya ekologiya: Stanovlenie distsipliny i istoriya problem* [Ethnic Ecology: The rise of the discipline and the history of problems]. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences.
2. Chizhevskiy, A.A. (2013) Nachal'nyy period izucheniya arkheologii epokhi bronzy i rannego zheleznoogo veka v Volgo-Kam'e. Polevyie issledovaniya [Initial period of investigation of the Late Bronze and Early Iron ages in the Volga-Kama area. Field studies]. *Povolzhskaya arkheologiya – The Volga River Region Archaeology*. 2(4). pp. 40–63.
3. Kulsharipov, M.M. (ed.) *Istoriya bashkirskogo naroda: v 7 t.* [The history of the Bashkir people: in 7 vols]. Vol. 1. Moscow: Institute of History, Language and Literature.
4. Sataev, R.M. & Sataeva, L.V. (2011) Osobennosti sistemy zhizneobespecheniya drevnego naseleniya Gonurskogo oazisa (Turkmenistan) [The life support system of the ancient population of the Gonur oasis (Turkmenistan)]. In: Matveev, N.P. (ed.) *Ekologiya drevnikh i traditsionnykh obshchestv* [Ecology of ancient and traditional societies]. Tyumen: SB RAS. pp. 204–207.

5. Sataev, R.M. & Sataeva, L.V. (2014) Nekotorye osobennosti izucheniya zhizneobespecheniya drevnikh obshchestv [The life support system of ancient communities]. In: Subbotina, I.A. & Yamskov, A.N. (eds) *Etnos i sreda obitaniya* [Ethnicity and environment]. Moscow: Staryy sad. pp. 60-66.
6. Yamskov, A.N. (2004) Ekologicheskie funktsii osnovnykh komponentov traditsionnoy kul'tury [The ecological functions of the main components of traditional culture]. In: *Etnoekologicheskie issledovaniya* [Ethnoecological studies]. Moscow. pp. 36-60.
7. Pshenichnyuk, A.Kh. (1973) Karaabyzskaya kul'tura [Karaabyzsk Culture]. In: Bikbulatov, N.V., Kuzeeva, R.V. & Mazhitova, N. A. (eds) *Arkheologiya i etnografiya Bashkirii* [Archaeology and Ethnography of Bashkiria]. Vol. 5. Ufa: USSR AS. pp. 162-243.
8. Nemkova, V.K. & Klimanov, V.A. (1988) Kharakteristiki klimata Bashkirskogo Predural'ya v golotsene [The climate of the Bashkir Urals during the Holocene]. In: Nemkova, V.K. & Klimanov, V.A. (eds) *Nekotorye voprosy biostratigrafii, paleomagnetizma i tektoniki kaynozoya Predural'ya* [Some questions of biostratigraphy, paleomagnetism and tectonics of Cenozoic Urals]. Ufa: USSR AS. pp. 65-71.
9. Kudiyarov, V.N., Demkin, V.A., Gilichinskiy, D.A., Goryachkin, S.V. & Rozhkov, V.A. (2009) Global'nye izmeneniya klimata i pochvennyy pokrov [Global climate change and the soil cover]. *Pochvovedenie – Eurasian Soil Science*. 9. pp. 1027-1042.
10. Demkin, V.A., Demkina, T.S., Khomutova, T.E., El'tsov, M.V., Usoltsev, S.N. & Kashirskaya, N.N. (2013) Underkurgan paleosoils of the Lower Volga steppes as indicators of climate dynamics during historical time. *Povolzhskaya arkheologiya – The Volga River Region Archaeology*. 2(4). pp. 126-142. (In Russian).
11. Petrenko, A.G. (1984) *Drevnee i srednevekovoe zivotnovodstvo Srednego Povolzh'ya i Predural'ya* [Ancient and medieval livestock of the Middle Volga and Urals]. Moscow: Nauka.
12. Saveliev, N.S. (2009) Novye issledovaniya Shipovskogo gorodishcha v lesostepi Yuzhnogo Priural'ya [A New research of the Shipov settlement in the forest of the South Urals Ufa]. *Ufimskiy arkheologicheskiy vestnik – The Ufa Archaeological Herald*. 9. pp. 127-140.
13. Akimova, M.S. (1968) *Antropologiya drevnego naseleniya Priural'ya* [Anthropology of the ancient Ural population]. Moscow: Nauka.
14. Efimova, S.G. (1991) K kraniometrii rannego zheleznogo veka Volgo-Kam'ya [On craniometry of the Early Iron Age of the Volga-Kama]. *Voprosy antropologii*. 67. pp. 64-73.
15. Nechvaloda, A.I. (2012) [New craniological materials of Kara-abyz culture of Kara Abyz II]. *Etnos. Obshchestvo. Tsivilizatsiya: tret'i Kuzeevskie chteniya* [Ethnos. Society. Civilization: The 3rd Kuzeev Readings]. Ufa. 28th September 2012. Ufa. pp. 249-251. (In Russian).
16. Krupnik, I.I. (1989) *Arkticheskaya etnoekologiya* [Arctic ethnoecology]. Moscow: Nauka.
17. Petrenko, A.G. (2007) *Stanovlenie i razvitie osnov zivotnovodcheskoy deyatel'nosti v istorii narodov Srednego Povolzh'ya i Predural'ya (po arkheozoologicheskim materialam)* [The formation and development of the livestock breedings in the history of the peoples in the Middle Volga and Ural region (based on archaeozoological materials)]. Kazan: Institute of History of Tatarstan.
18. Antipina, E.E. (2004) Arkheozoologicheskie issledovaniya: zadachi, potentsial'nye vozmozhnosti i real'nye rezul'taty [Archaeozoological research: Challenges, potential and real results]. In: *Noveyschie arkheozoologicheskie issledovaniya v Rossii* [The latest archaeozoological research in Russia]. Moscow. pp. 7-33.
19. Antipina, E.E. & Lebedeva, E.Yu. (2005) Opyt kompleksnykh arkheobiologicheskikh issledovaniy zemledeliya i skotovodstva: modeli vzaimodeystviya [Complex archeobiological research of agriculture and animal husbandry: Models of interaction]. *Rossiyskaya arkheologiya – Russian Archeology*. 4. pp. 70-78.